

Марк Вельт

Эхо забытых мелодий

Марк Вельт

Эхо забытых мелодий

<https://litres.ru/74493783>

SelfPub; 2026

Аннотация

В старинной усадьбе под Подмосковьем найден мёртвым композитор Лев Громов. Официальная версия — самоубийство: рядом с телом лежит нотная запись его последней сонаты. Но бывший следователь Артём Ковалёв уверен — это убийство. Слишком много странностей. Слишком много врагов у Громова.

Восемь подозреваемых. Директор школы со скелетом в шкафу. Жена, публично униженная композитором. Дочь, ждущая наследства. Студент, лишённый стипендии. Домработница, чью сестру уволили. Настройщик органа, осмеянный перед всеми. Загадочный незнакомец, исчезнувший после убийства. И ассистентка, чью музыку Громов украл.

За каждой разгаданной тайной — новая ложь. В последней мелодии композитора зашифровано имя. Артём должен расшифровать музыкальный код раньше, чем убийца завершит партитуру. Ведь следующая нота может стать последней.

Классический детектив закрытого круга. Честная игра с читателем. Финал удивит, но все подсказки были перед глазами с самого начала.

Содержание

Глава 1. Тишина перед эхом	4
Глава 2. Восемь нот	11
Глава 3. Слово из пяти нот	20
Глава 4. Студент-вундеркинд	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марк Вельт

Эхо забытых мелодий

Глава 1. Тишина перед эхом

Зима в этом году выдалась злая. Снег валил третьи сутки, заносил дороги, заметал следы, превращал знакомые места в белые лабиринты. Усадьба, в которой располагалась музыкальная школа-интернат, стояла на холме, окружённая соснами и берёзами, и казалась отсюда, с шоссе, островком в бескрайнем море. Артём Ковалёв смотрел на неё из окна так-си и думал: вот место, где можно спрятаться от всего. От прошлого. От воспоминаний. От самого себя.

Он ошибался.

Дорога до усадьбы заняла два часа. Таксист, пожилой мужчина с усталыми глазами, всю дорогу молчал. Артём был благодарен. Он не любил пустых разговоров. Смотрел в окно, слушал, как шуршат шины по снегу, и пытался убедить себя, что всё правильно. Новая работа. Новые люди. Новая жизнь.

У ворот школы его встретил охранник, седой мужчина в ватнике.

— Артём Николаевич? Ковалёв? — спросил он, заглядывая в бумажку. — Ждём вас. Проходите. Вас проводят.

Артём кивнул, взял чемодан. Он не взял с собой много. Несколько книг, ноутбук, тёплый свитер. Всё остальное осталось в прошлом. В квартире, которую он продал. В городе, который он покинул.

Усадьба была красива той старинной, чуть потрёпанной красотой, которая бывает у зданий, переживших многое. Три этажа, колонны у входа, лепнина на фасаде. Внутри пахло деревом, пылью и воском. Артём шёл за молодой женщиной в строгом костюме, которая представилась как Лена, ассистентка директора. Она была молода, лет двадцати пяти, с тёмными волосами, собранными в тугий пучок, и внимательными серыми глазами.

— Директор ждёт вас в кабинете, — сказала она. — Вера Андреевна. Она хотела поговорить с вами до начала занятий.

Артём кивнул. Он знал о Вере Соколовой. Читал в новостях. Успешная женщина, руководитель, меценат. Школа под её руководством считалась одной из лучших в стране. Дети из состоятельных семей, преподаватели с именами, выпускники, поступающие в консерваторию.

Кабинет директора был на втором этаже. Лена постучала и открыла дверь.

— Артём Николаевич приехал, — сказала она.

— Спасибо, Лена. Пусть войдёт.

Голос был спокойный, уверенный. Артём вошёл.

Вера Соколова сидела за большим столом у окна. Элегантная женщина лет пятидесяти, в тёмном платье, с аккурат-

ной причёской. Лицо умное, чуть усталое. Она поднялась навстречу, протянула руку.

— Артём Николаевич, — сказала она. — Рада вас видеть. Наслышана о вас.

— Надеюсь, только хорошее, — ответил он.

Она улыбнулась. Сухо, без тепла.

— Хорошее и плохое. Вы были следователем. Говорят, одним из лучших. Почему ушли?

Артём выдержал паузу.

— Обстоятельства.

— Понимаю. — Вера не стала настаивать. — У нас здесь спокойно. Дети, музыка, занятия. Иногда концерты. Иногда приезжают знаменитости. Думаю, вам понравится.

— Надеюсь.

Она кивнула.

— Лена проводит вас в вашу комнату. Занятия начинаются завтра. Сегодня — отдыхайте. Вечером у нас ужин. Познакомьтесь с коллегами.

Артём вышел из кабинета. Лена ждала его в коридоре.

— Идёмте, — сказала она. — Ваша комната на третьем этаже.

Они поднялись по широкой лестнице. Артём отметил, что здание внутри не такое уж старое, как снаружи. Ремонт был недавний. Свежая краска, новые двери, хорошее освещение.

— Вы давно здесь работаете? — спросил он.

— Три года, — ответила Лена. — Я вела документацию,

помогала с расписанием. А ещё я композитор. Или пытаюсь им быть.

— Пытаетесь?

Она пожала плечами.

— Здесь нелегко. Лев Борисович... — Она умолкла.

— Кто это?

— Лев Громов. Наш преподаватель композиции. Известный композитор. Вы, наверное, слышали.

Артём слышал. Лев Громов, автор симфоний, лауреат премий, человек с репутацией гения и тирана. О нём говорили разное. Но все сходились в одном: талант у него был. И характер — тоже.

— Он здесь работает?

— Да. Уже пять лет. Преподаёт композицию. У него своя студия в органном зале.

Они дошли до третьего этажа. Лена открыла дверь в конце коридора.

— Вот ваша комната. Ужин в семь. Столовая на первом этаже.

Артём вошёл. Комната была небольшая, но уютная. Кровать, стол, шкаф, окно с видом на лес. Он поставил чемодан, снял пальто. И только тогда понял, как устал. Дорога, разговор с директором, новые лица. Он сел на кровать и закрыл глаза.

Сон пришёл быстро. Но он не принёс покоя. Артёму снилась жена. Она стояла в белом платье, улыбалась, протягива-

ла к нему руки. Он шёл к ней, но расстояние не сокращалось. Она становилась всё дальше, всё бледнее. А потом исчезла.

Артём проснулся от холода. За окном стемнело. Снег всё ещё шёл. Он посмотрел на часы. Шесть вечера. Пора спускаться. Знакомиться.

Столовая была просторной, с высокими потолками и длинными столами. Народу собралось немного. Артём насчитал человек десять. Лена подошла к нему, улыбнулась.

— Знакомьтесь, — сказала она. — Это наши преподаватели.

Она представила ему сидящих за столом. Игорь Соколов, муж директора, преподаватель теории музыки. Тихий мужчина с усталыми глазами. Он кивнул Артёму, но ничего не сказал. Максим, студент-вундеркинд, девятнадцатилетний юноша с длинными пальцами пианиста и затравленным взглядом. Он сидел в углу, уткнувшись в тарелку. Мария, домработница, женщина лет пятидесяти, в тёмном платье. Она молча накрывала на стол, не поднимая глаз. Дмитрий, настройщик органа, худой мужчина с нервными руками. Он сидел отдельно, ни с кем не разговаривая.

— А где Лев Борисович? — спросил Артём.

Лена помрачнела.

— Обычно он ужинает у себя. В студии.

— Он не любит общество?

— Он никого не любит, — тихо сказала Лена. — Кроме себя.

Артём не стал уточнять. Он сел за стол, и ужин начался. Разговоры были вялыми. Казалось, все чего-то ждут. Или чего-то. Артём ел и слушал. Он давно научился слушать. Это было его работой. И его привычкой.

После ужина он вышел на улицу. Снег наконец прекратился. Небо очистилось, и звёзды горели ярко, холодно. Артём стоял и смотрел на них. Думал о жене. О прошлом. О том, что больше не вернётся.

Он не знал, что через несколько часов в этой усадьбе произойдёт убийство. Что тишина, которую он искал, обернётся кошмаром. Что прошлое, от которого он бежал, найдёт его здесь.

Но пока он просто стоял и смотрел на звёзды. И впервые за долгое время ему показалось, что он на правильном пути.

Он ошибался.

Утром Артёма разбудил крик. Женский, пронзительный, леденящий. Он вскочил с кровати, натянул джинсы, выбежал в коридор. На третьем этаже было тихо. Крик доносился снизу. Артём бросился по лестнице.

В органном зале собрались люди. Вера Соколова, бледная, стояла у двери. Лена плакала, прижавшись к стене. Игорь смотрел в сторону, не в силах отвернуться. Максим сидел на полу, обхватив голову руками. Мария крестилась. Дмитрий стоял у органа, как вкопанный.

Артём вошёл. И остановился.

Лев Громов лежал на полу, у подножия органа. Голова неестественно запрокинута. Глаза открыты, но пусты. Рядом с телом — лист бумаги с нотами. Последняя соната. Неоконченная.

— Никто не входил, — прошептала Вера. — Никто не выходил. Мы все здесь.

Артём медленно подошёл. Присел рядом с телом. Осмотрел. На виске — тёмное пятно. Кровь запеклась. На пальцах — следы чернил. На полу — рассыпанные ноты.

Он поднял один лист. Ноты. Мелодия. Что-то знакомое. Что-то, что он слышал раньше.

— Вызывайте полицию, — сказал он тихо.

— Уже вызвали, — ответила Вера.

Артём выпрямился. Посмотрел на собравшихся. Восемь человек. Восемь подозреваемых. Восемь тайн.

Он посмотрел на ноты. Последняя соната Громова. «Эхо».

Он ещё не знал, что в этой мелодии зашифровано имя. Но он чувствовал: это не самоубийство. Слишком аккуратно. Слишком тихо. Слишком странно.

Тишина, которую он искал, обернулась эхом. И это эхо кричало.

Глава 2. Восемь нот

Полиция приехала через сорок минут. Двое оперативников, следователь и криминалист. Они вошли в органный зал, осмотрелись, начали работать. Артём стоял в стороне, наблюдал. Привычка. Он не мог её выключить, даже если бы захотел.

Следователь, мужчина лет сорока с усталым лицом и цепким взглядом, представился:

— Капитан Громов. Александр.

Артём вздрогнул. Однофамилец. Ирония.

— Артём Ковалёв. Преподаватель.

— Вы обнаружили тело?

— Нет. Услышал крик. Прибежал.

Капитан кивнул.

— Кто обнаружил?

— Лена. Ассистентка. Она пришла будить Громова. Он не отвечал. Дверь была приоткрыта.

Капитан записал.

— Вы знали погибшего?

— Нет. Только приехал вчера.

— Хорошо. Пока не уходите. Может, понадобится.

Артём кивнул. Он не собирался уходить. Он хотел понять. Кто убил. И почему.

Криминалист, женщина в белом халате, осматривала тело.

Артём подошёл ближе.

— Что скажете?

Она подняла на него глаза. Хмурые.

— Удар по голове. Тупым предметом. Орудие не найдено. Время смерти — примерно между полуночью и двумя часами ночи.

— Самоубийство?

Она фыркнула.

— Вы видите, как человек бьёт себя по голове сзади? И потом аккуратно кладёт рядом ноты? Нет. Это убийство.

Артём кивнул. Он и сам так думал.

Он отошёл к органу. Тот был огромный, старинный, с резными деревянными трубами. Громов сидел за ним. Или стоял. Или работал. Потом кто-то вошёл. Ударил. Громов упал. Умер.

Артём посмотрел на пол. Рядом с телом — рассыпанные листы. Ноты. Он присел, собрал их. Пять страниц. Последняя соната. «Эхо». На первой странице — посвящение. «Тому, кто поймёт».

Артём перевернул лист. Ноты. Мелодия. Он читал их легко, как текст. Мелодия была странная. Скачки, паузы, повторы. Что-то в ней было не так. Но что?

Он сунул листы в карман. Потом посмотрел на орган. На пюпитре — ещё бумаги. Партитуры. Он пролистал. Ничего необычного. Упражнения. Этюды. Черновики.

Артём вернулся к телу. Капитан Громов как раз заканчи-

вал осмотр.

— Вы что-то нашли? — спросил Артём.

— Ничего конкретного. Ни орудия, ни свидетелей. Дверь не взломана. Окно закрыто. Похоже, убийца — кто-то из своих.

— Восемь человек, — сказал Артём. — Я насчитал. Капитан поднял бровь.

— Вы уже считали?

— Привычка.

— Бывший следователь?

Артём кивнул.

— Тогда, может, поможете? Неофициально.

Артём посмотрел на тело Громова. На ноты в кармане. На орган. На всё это место, которое должно было стать убежищем, а стало ловушкой.

— Помогу.

Капитан кивнул.

— Тогда начнём с вас. Где вы были ночью?

— В своей комнате. Спал.

— Кто-нибудь может подтвердить?

— Нет. Я был один.

Капитан посмотрел на него внимательно. Артём выдержал взгляд.

— Я понимаю, — сказал он. — Мотив, возможность, отсутствие алиби. Но я не убивал.

— Я вас не обвиняю. Пока. Просто проверяю.

Артём кивнул. Он понимал. Он сам когда-то так работал.

К полудню всех собрали в столовой. Капитан Громов сидел во главе стола. Артём — в углу, наблюдал. Восемь человек. Восемь лиц. Восемь историй.

Первой допрашивали Веру Соколову. Директор держалась спокойно. Слишком спокойно.

— Где вы были ночью?

— В своём кабинете. Работала с документами. Потом пошла спать. Около часа ночи.

— Кто-нибудь может подтвердить?

— Мой муж. Он был в спальне.

Капитан посмотрел на Игоря. Тот кивнул, не поднимая глаз.

— У вас были конфликты с Громовым?

Вера помолчала.

— Были. Он был сложным человеком. Но я не убивала его.

— Что за конфликты?

— Финансовые. Он требовал больше денег на свои проекты. Я отказывала.

— И всё?

— Всё.

Артём смотрел на неё. Она лгала. Или не договаривала. Он не знал, что именно. Но чувствовал: что-то скрыто.

Следующим был Игорь Соколов. Муж директора. Тихий.

Забитый.

— Где вы были ночью?

— В спальне. С женой.

— Вы видели Громова в последний раз?

— Видел. Днём. Он... — Игорь замолчал.

— Что?

— Он унизил меня. При студентах. Сказал, что я бездарность. Что я никто.

— И вы разозлились?

Игорь поднял на капитана глаза. В них была боль.

— Я привык. Он всегда так делал.

— Но в этот раз было иначе?

Пауза.

— В этот раз я не выдержал. Я сказал ему, что он пожалеет.

— Угрожали?

— Не так. Просто сказал.

Капитан записал. Артём смотрел на Игоря. Тот не убийца. Слишком слаб. Но что-то он знал.

Третьей была Лена. Ассистентка. Она плакала. Руки дрожали.

— Где вы были ночью?

— В библиотеке. Работала с нотами. Потом пошла спать.

— Кто-нибудь может подтвердить?

— Нет. Я была одна.

— У вас были конфликты с Громовым?

Лена вздрогнула.

— Были.

— Какие?

— Он... — Она снова заплакала. — Он украл мою музыку. Симфонию, которую я писала три года. Он собирался издать её под своим именем.

Капитан поднял бровь.

— И вы не злились?

— Злилась. Но я не убивала его. Я не могла.

Артём смотрел на Лену. Она была напугана. Но не убийца. Или убийца? Он не знал. Пока не знал.

Следующим был Максим. Студент. Он сидел, сжав руки. Смотрел в пол.

— Где вы были ночью?

— В классе. Занимался.

— Кто-нибудь видел?

— Нет. Я был один.

— Громов лишил вас стипендии?

Максим поднял глаза. В них была ненависть.

— Да. Он сказал, что я не гений. Что я просто мальчик с амбициями. Он уничтожил мою карьеру.

— И вы хотели его смерти?

— Хотел. Но не убивал.

Артём смотрел на Максима. Юноша был зол. Но убийца ли? Возможно. Но что-то не сходилось.

Мария. Домработница. Она говорила тихо, не поднимая

глаз.

— Где вы были ночью?

— На кухне. Потом в своей комнате.

— Кто-нибудь может подтвердить?

— Нет. Я одна.

— Громов уволил вашу сестру?

Мария кивнула.

— Он сказал, что она воровка. Но это ложь. Она не воровала.

— Вы злились?

— Злилась. Но я не убийца.

Артём смотрел на Марию. Она говорила спокойно. Слишком спокойно. Но не убийца. Слишком стара. Слишком слаба. Или нет?

Дмитрий. Настройщик органа. Он сидел, сжав кулаки. Смотрел в сторону.

— Где вы были ночью?

— В мастерской. Чинил инструменты.

— Кто-нибудь может подтвердить?

— Нет.

— Громов унизил вас?

Дмитрий вздрогнул.

— Он сказал, что я ничего не понимаю в музыке. Что я просто ремесленник. Что я не достоин даже настраивать его орган.

— И вы разозлились?

— Я хотел его убить. Но не убил.

Артём смотрел на Дмитрия. Станный человек. Тихий. Опасный. Но что-то в нём было. Что-то, что он скрывал.

Последним был Виктор. Незнакомец. Он появился в школе за день до убийства. Сказал, что старый друг Громова. Но никто его не знал.

— Где вы были ночью?

Виктор улыбнулся.

— В своей комнате. Спал.

— Кто-нибудь может подтвердить?

— Нет.

— Зачем вы приехали?

— Навестить старого друга.

— Вы знали, что он умрёт?

Виктор посмотрел на капитана. В глазах — холод.

— Я знал, что он умрёт. Все мы умрём. Вопрос только когда.

Капитан записал. Артём смотрел на Виктора. Тот был спокоен. Слишком спокоен. И это было подозрительно.

После допросов Артём вернулся в органный зал. Тело увезли. Но ноты остались. Он достал их из кармана. Пять страниц. Соната «Эхо». Посвящение. «Тому, кто поймёт».

Он сел за орган. Положил ноты на пюпитр. Посмотрел на клавиши. Старые, пожелтевшие. Орган был огромный. Он помнил руки Громова. Теперь эти руки были холодны.

Артём начал играть. Мелодия была странная. Скачки, паузы. Но что-то в ней было. Что-то знакомое. Он играл и слушал. Слушал и думал.

И вдруг понял. Ноты. Они были не просто нотами. Они были буквами. Каждая нота — буква. Мелодия — слово. Или имя.

Артём остановился. Посмотрел на ноты. Потом снова. И начал расшифровывать. Нота «до» — «А». Нота «ре» — «Б». Нота «ми» — «В». И так далее.

Он записал. Пять букв. Пять нот. Имя. Или слово.

Он посмотрел на лист. Прочитал. И замер.

Это было не имя убийцы. Это было слово. «ПРОСТИ».

Артём откинулся на спинку стула. Громов знал, что умрёт. И он просил прощения. У кого? У того, кого он обидел. У того, кто убил его.

Артём посмотрел на ноты. Потом на орган. Потом на дверь. Кто-то вошёл. Кто-то ударил. Громов упал. Но перед смертью он оставил послание. Не обвинение. Просьбу.

Артём встал. Он знал, что делать. Он найдёт убийцу. И он найдёт того, у кого Громов просил прощения.

Глава 3. Слово из пяти нот

Артём просидел в органном зале до вечера. Он играл мелодию снова и снова, записывал ноты, сверял с буквами. «ПРОСТИ». Пять букв. Пять нот. Слишком просто для Громова. Слишком очевидно. Гений, который всю жизнь шифровал свои послания, не оставил бы разгадку на поверхности. Он перечитал посвящение на первой странице: «Тому, кто поймёт». Не «тому, кто найдёт». Не «тому, кто прочтёт». А «тому, кто поймёт». Значит, за словом «ПРОСТИ» скрывалось что-то ещё. Более важное. Артём отложил ноты и вышел из зала. Коридор был пуст. Тусклые лампы отбрасывали жёлтые пятна на стены. Он направился к лестнице, но у окна остановился. За стеклом шёл снег. Медленный, густой. Он заносил следы, заметал дорожки. Артём смотрел на него и думал. Громов просил прощения. Но не написал, у кого. Значит, он знал, что убийца — кто-то из своих. Из тех, кто был в школе. Из тех, кого он обидел. Или кому задолжал. Или кого предал. Артём достал блокнот. Записал имена. Восемь. Вера. Игорь. Лена. Максим. Мария. Дмитрий. Виктор. И ещё одно. Своё. Он тоже был здесь. Но не знал Громова. Или знал? Он не был уверен. Слишком многое в его прошлом было связано с музыкой. Слишком многое он пытался забыть. Он спустился на первый этаж. Столовая была пуста. Только Мария стояла у плиты, что-то помешивая. Артём подошёл.— Ма-

рия, можно вопрос? Она подняла на него глаза. Усталые. Настороженные.— Спрашивайте.— Вы давно работаете здесь?— Пять лет. С самого открытия.— Вы знали Громова хорошо? Мария помолчала. Потом отставила кастрюлю и вытерла руки о фартук.— Знала. Он был... сложный.— Что вы имеете в виду?— Он мог быть добрым. Мог помочь. Мог дать денег. Но потом... — Она замолчала.— Что потом?— Потом он мог всё отнять. И смеяться. Ему нравилось смеяться над людьми. Особенно над теми, кто от него зависел. Артём кивнул.— Ваша сестра? Он уволил её? Мария сжала губы.— Уволил. Сказал, что она украла деньги. Но это ложь. Я знаю свою сестру. Она не воровка.— Почему он так сказал?— Потому что она отказалась... — Мария умолкла.— Что?— Не важно. Это не имеет значения. Артём смотрел на неё. Она что-то скрывала. Но не убийца. Он был почти уверен. Мария была из тех, кто страдает молча. Из тех, кто не мстит.— Спасибо, — сказал он. Она кивнула и вернулась к плите. Артём вышел из столовой. В коридоре он столкнулся с Леной. Она шла быстро, куда-то торопилась. В руках — папка.— Лена, — окликнул он. — Можно поговорить? Она вздрогнула, обернулась. Лицо бледное.— О чём?— О Громе. О вашей симфонии. Лена прижала папку к груди, как щит.— Я уже говорила полиции. Всё.— Я не полиция. Я хочу понять. Она помолчала. Потом кивнула.— Хорошо. Только не здесь. Они прошли в библиотеку. Маленькую комнату на втором этаже, забитую нотами и книгами. Лена села за стол, по-

ложила папку. Артём сел напротив.— Расскажите о симфонии. Лена вздохнула.— Я писала её три года. Это была моя жизнь. Всё, что у меня было. Я думала, что она станет моим прорывом. Что меня заметят. Что я смогу... — Она замолчала.— Что сможете?— Уехать отсюда. Начать новую жизнь.— И что случилось?— Громов увидел её. Случайно. Я оставила ноты в студии. Он нашёл. Прочитал. И сказал, что это гениально. Я обрадовалась. Думала, он поможет. А потом... — Она снова замолчала.— Потом?— Потом он сказал, что издаст её под своим именем. Что мне ещё рано. Что я должна подождать. А он... он возьмёт её. Как свою.— Вы согласились? Лена подняла на него глаза. В них были слёзы.— Я отказалась. Я сказала, что буду бороться. Что расскажу всем. Он рассмеялся. Сказал, что мне никто не поверит. Что он — Громов. А я — никто. Артём молчал. Он видел её боль. Настоящую. Но убийца ли она? Могла ли она убить? В порыве гнева? В отчаянии?— Где вы были ночью?— Я же говорила. В библиотеке.— До какого времени?— До полуночи. Потом пошла спать.— Вы видели Громова после того, как ушли из библиотеки?— Нет. Артём смотрел на неё. Она не лгала. Или лгала хорошо. Он не мог понять. Пока не мог.— Спасибо, — сказал он. Лена встала и вышла. Артём остался в библиотеке. Он посмотрел на папку, которую она оставила. На обложке было написано: «Симфония 1. Лена Д.» Он открыл. Ноты. Мелодия. Он начал читать. И вдруг замер. Знакомая мелодия. Те же скачки. Те же паузы. Те же пять нот. «ПРО-

СТИ». Он перевернул страницу. И увидел ещё одну запись. Внизу, мелким почерком: «Тому, кто поймёт». Артём откинулся на спинку стула. Вот оно. Симфония Лены и соната Громова. Одна и та же мелодия. Одно и то же послание. Громов не украл её музыку. Он её слушал. И запомнил. И вставил в свою последнюю сонату. Как признание. Как просьбу о прощении. Артём закрыл папку. Теперь он знал. Убийца — не Лена. Она была жертвой. Как и все остальные. Громов обидел многих. Но убил его кто-то другой. Кто-то, кто знал о симфонии. Кто-то, кто знал о послании. Кто-то, кто хотел, чтобы правда не вышла наружу. Он встал. Пора было поговорить с капитаном Громовым. У него появилась новая версия. И новая улика. Симфония Лены. И соната Громова. Одна мелодия. Одно слово. Одна тайна. Артём вышел из библиотеки. В коридоре было тихо. Слишком тихо. Он поднялся на третий этаж, в свою комнату. На столе лежали ноты. Он сел, взял ручку и начал писать. Список. Восемь имён. Восемь мотивов. Восемь тайн. Кто из них знал о симфонии? Кто знал, что Громов собирается издать её под своим именем? Кто хотел остановить его? Или наоборот — кто хотел, чтобы это произошло? Артём отложил ручку. Посмотрел в окно. Снег всё ещё шёл. Тишина была обманчивой. Где-то в этой усадьбе был убийца. И он ждал. Ждал, когда Артём подойдёт слишком близко. Артём улыбнулся. Впервые за долгое время. Он любил эту игру. Игру в кошки-мышки. Он всегда выигрывал.

Глава 4. Студент-вундеркинд

Утром Артём первым делом отправился к капитану Громову. Тот расположился в кабинете директора — Вера Соколова любезно уступила его следственной группе. Капитан сидел за столом, разбирая бумаги. Увидев Артёма, кивнул.

— Есть новости?

— Есть, — ответил Артём. — Симфония Лены и соната Громова — одна мелодия. Одна и та же последовательность нот.

Капитан поднял бровь.

— То есть Громов украл у неё музыку?

— Не украл. Он её *слушал*. И запомнил. И вставил в свою последнюю сонату. Как признание. Как просьбу о прощении.

Капитан откинулся на спинку стула.

— Интересно. Но что это нам даёт?

— Это даёт нам круг людей, которые знали о симфонии. Кто-то из них — убийца.

Капитан кивнул.

— Продолжайте.

— Лена знала о симфонии, потому что написала её. Громов знал, потому что слушал. Кто ещё мог знать?

Капитан задумался.

— Тот, кто имел доступ к студии Громова. Тот, кто мог

видеть ноты. Или слышать, как он играет.

Артём кивнул.

— Я хочу поговорить с Максимом.

Капитан махнул рукой.

— Идите. Но не давите на него. Парень на грани.

Артём вышел из кабинета. Он понимал, что значит «на грани». Он сам был на грани. Когда-то. Давно. После смерти жены. Он стоял на краю, смотрел вниз и думал: шагнуть или нет. Он не шагнул. Но некоторых это не спасает.

Максима он нашёл в классе для занятий. Юноша сидел за роялем, но не играл. Просто смотрел на клавиши. Пальцы лежали на них, но не двигались. Артём вошёл и закрыл дверь.

— Максим, — сказал он тихо. — Можно с тобой поговорить?

Юноша не обернулся.

— Вы новый преподаватель. Истории музыки. Я вас видел.

— Да. Меня зовут Артём.

— Я знаю, как вас зовут. — Максим наконец повернулся. Лицо бледное, глаза красные. Он не спал. — Вы были следователем. Все об этом говорят.

— Был. Теперь преподаю.

— Зачем пришли?

— Хочу понять, что произошло с Громовым.

Максим усмехнулся. Горько.

— Он умер. Вот что произошло. И никто не плачет.

— Ты не плачешь?

— Я? — Максим сжал кулаки. — Я хотел его убить. Каждый день. Каждую минуту. Он уничтожил меня.

— Расскажи.

Максим помолчал. Потом заговорил. Голос дрожал.

— Я приехал сюда два года назад. Из Новосибирска. Меня заметили на конкурсе. Сказали, что я гений. Что мне нужно учиться у лучших. Что Громов возьмёт меня. Что я стану звездой.

— И что случилось?

— Громов взял меня. Первый год всё было хорошо. Он хвалил. Говорил, что у меня талант. Что я могу стать великим. А потом... — Максим замолчал.

— Потом?

— Потом он изменился. Стал придираться. Критиковать. Говорить, что я не гений. Что я просто мальчик с амбициями. Что я никогда не стану никем.

— Почему он так делал?

— Потому что я отказался играть его музыку. Он хотел, чтобы я стал его рупором. Играл только то, что он пишет. Я отказался. Я хотел играть своё.

— И он лишил тебя стипендии?

— Да. Сказал, что я не оправдал ожиданий. Что я неудачник. Меня выгоняют. Через месяц я должен уехать домой. К родителям. Которые продали квартиру, чтобы оплатить моё

обучение.

Артём смотрел на Максима. Юноша был на грани. Не убийства. Самоубийства.

— Максим, где ты был в ночь убийства?

— В классе. Занимался.

— Кто-нибудь может подтвердить?

— Нет. Я был один.

— Ты выходил из класса?

— Нет.

— Ты слышал что-нибудь? Видел кого-нибудь?

Максим помолчал.

— Я слышал шаги. Около полуночи. Кто-то шёл по коридору. В сторону органного зала.

Артём напрягся.

— Ты видел, кто это был?

— Нет. Дверь была закрыта. Но шаги... лёгкие. Как у женщины. Или у человека, который старается не шуметь.

— Ты сказал об этом полиции?

— Нет. Меня не спрашивали.

Артём кивнул. Он получил важную информацию. Лёгкие шаги. Женщина. Или тот, кто хотел, чтобы его приняли за женщину.

— Спасибо, Максим, — сказал он. — Это очень важно.

Он вышел из класса. В коридоре было тихо. Артём задумался. Лёгкие шаги. Полночь. Органный зал. Кто-то шёл туда. Кто-то, кто знал, что Громов там.

Он вернулся в свою комнату и записал: «Максим слышал шаги. Лёгкие. Полночь. Женщина?»

Теперь у него было три версии. Лена — мотив, возможность. Вера — мотив, возможность. Мария — мотив, возможность. Но кто из них? Или кто-то другой?

Артём посмотрел на часы. Полдень. Пора было поговорить с Дмитрием. Настройщик органа. Станный человек. Тихий. Опасный.

Он спустился в подвал, где находилась мастерская Дмитрия. Маленькая комната, забитая инструментами, трубками, деревянными заготовками. Дмитрий сидел на табурете и что-то строгал. Увидев Артёма, отложил работу.

— Доктор Ковалёв? — спросил он. — Что вам нужно?

— Поговорить. О Громе.

Дмитрий помрачнел.

— Я уже говорил с полицией.

— Я знаю. Но я хочу понять. Вы работали с ним?

— Пять лет. Я настраивал его орган. Каждую неделю. Иногда чаще.

— И как он к вам относился?

Дмитрий усмехнулся. Горько.

— Как к прислуге. Как к инструменту. Он говорил, что я ничего не понимаю в музыке. Что я просто ремесленник. Что я не достоин даже настраивать его орган.

— И вы злились?

— Злился. Но не убивал.

— Где вы были ночью?

— В мастерской. Работал до двух часов.

— Кто-нибудь видел?

— Нет. Я был один.

Артём смотрел на Дмитрия. Тот был спокоен. Слишком спокоен. Но что-то в нём было. Что-то, что он скрывал.

— Вы знали о симфонии Лены?

Дмитрий вздрогнул.

— О чём?

— О симфонии. Которую Громов собирался издать под своим именем.

— Нет. Не знал.

— Вы уверены?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.